

Разведка стреляет в упор

Дерзкая вылазка в тыл врага
ускорила освобождение Бреста

Каждую ночь демобилизованного старшину Мишенина душил один и тот же кошмар. Как будто он снова на Брестском вокзале, и полчища фашистов со штыками наперевес все плотнее берут его в кольцо. Кажется, еще секунда – и острый металл вонзится в тело. Но нельзя издать ни звука: он разведчик и не должен выдать своих.

Вынырнув из-под толщи мучительного сна, Виктор Поликарпович присел на кровати и чиркнул спичкой. Полчетвертого утра, и в комнате еще совсем темно. Супруга Лидия Ивановна мирно спит. Тишина, только тикают ходики, купленные еще отцом, и на Углегорской в районе железнодорожных складов надрывно лает собака.

Мишенин подошел к окну и открыл форточку. В комнату ворвался настоящий на «ароматах» Донецкого металлургического завода прохладный апрельский воздух, хлопнул занавеской, притушил пламя керосиновой лампы. По ночам в частный сектор не давали электричество – экономии.

Мишенин закурил, и, как часто случалось в последнее время, привиделся ему красноармеец Филя Исаков – бледный как смерть, с оторванной по самое плечо рукой. Одногодки они были. Дружили крепко. Больше всего из той дружбы старшина Мишенин запомнил пятидесятикилометровый марш-бросок в деревню Мохро, сейчас это Ивановский район на Брестчине, приграничье. В начале мая 1944 года их взвод пешей разведки 160-й стрелковой дивизии 1295-го стрелкового полка получил приказ перейти линию фронта, проникнуть в населенный пункт и выкрасть квартировавшего там немецкого врача. Видать, немец тот был важной птицей, обладал ценными

Из Брестской крепости группа Мишенина передавала разведданные в штаб дивизии и здесь же вступила в бой с превосходящими силами врага

сведениями, раз за ним снарядили группу разведчиков.

Комвзвода, тогда еще старший сержант, Виктор Мишенин отобрал десять самых надежных ребят, в том числе Исакова. В темноте разведчики двое суток пробирались по болотным топям: днем передвигаться было опасно. Ночи в белорусском Полесье совсем не такие, как в родном Донбассе: светлые, с соловьиными трелями. Эх, если б не война да не жуткие, предательские окна трясины!

На рассвете в Мохро было подозрительно тихо: ни собачьего лая, ни петушиных криков. Отыскали нужный дом. Оказалось, опоздали: потенциальный «язык» успел эвакуироваться вместе с госпиталем. На обратном пути на дороге из Дольска в Воловичи обнаружили двух немцев. Стараясь не шуметь, разведчики сработали мгновенно: фашисты и пикнуть не успели. При них бойцы обнаружили документы, которые, как позже выяснилось, здорово пригодились, поскольку содержали немало полезной информации о расположении и количестве вражеских сил.

«Первый бой с фашистскими захватчиками я принял в Смоленской области под городом Белый».

За эту смелую вылазку старшего сержанта Мишенина и красноармейца Аманова наградили орденами Красной Звезды, а рядовых Исакова и Макарова – орденами Славы III степени. Как радовался тогда Филя награде! Представлял, что героем вернется в родной Хабаровск, где его ждали жена и дети. Но в июне 1944-го при выполнении боевой задачи на вражеской территории был тяжело ранен. С оторванной рукой, истекая кровью, все же смог вместе с группой добраться до своих. Но спасти его не удалось...

Виктор Поликарпович докурил папиросу и взялся за письмо. Оно пришло из Бреста. Директор областного краеведческого музея Александр Борисовец просил поделиться воспоминаниями об освобождении города над Бугом, рассказать

**Виктор Мишенин
в день
освобождения
Бреста –
28 июля 1944 года**

немного о себе. Мишенин удивился. Никак не ожидал такого внимания к своей скромной персоне.

Всю жизнь он прожил в Ларинке, с которой начинался город Юзовка, он же Сталино, он же Донецк. В обыкновенной хибарке, в каких ютились семьи рабочих металлургического завода. Теперь это была городская окраина, куда даже трамваи не доходили. Но другого жилья бывшему фронтовику Мишенину не предлагали.

Виктор Мишенин родился в рабочем поселке Ларинка, который не радовал ни благоустроенностью, ни красотой

Случалось, Виктор Поликарпович тосковал по армейской жизни, присущей ей военной четкости и определенности. Командование ставило задачу – он ее выполнял. Добытые разведчиками сведения служили общей Победе, и это вдохновляло, питало отвагой и смелостью. Сейчас смысл бытия казался ему неясным, размытым.

И тут письмо из Беларуси. В конверте Мишенин обнаружил карточку с вопросами, которую директор музея просил заполнить. Мишенин обмакнул перо в чернильницу и быстрым, уверенным почерком стал писать: «Родился в 1913 году, русский, до призыва в армию работал конструктором-механиком ремонтно-механического завода „Донбасэнерго“ в Донецке». Это предприятие существует поныне, называется «Электроремонт».

Здесь же его, 28-летнего, застала война. Уже на пятый день призвали в действующую армию. «Первый бой с фашистскими захватчиками я принял в Смоленской области под городом Белый, находясь в 515 стр. полку, – почерк Мишенина в справочной карточке разборчивый, ровный. – Дивизию и армию не помню, под чьим командованием также не помню. Находился я в этом 515 с. п. с ноября 1941 г. по 4. II 1942 г., где получил тяжелое ранение, после чего находился на госпитальном излечении».

В марте 1943 года его ранило второй раз – осколком вражеской гранаты. После выздоровления армейская судьба старшего сержанта Виктора Мишенина делает крутой зигзаг: его назначают помощником командира взвода пешей разведки 1295-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии. В тот же день он вступает в ряды ВКП(б).

Разведчики Великой Отечественной – особая каста смелых и мужественных людей. Они постоянно рисковали своей жизнью, чтобы добыть бесценную информацию о противнике, от которой часто зависел исход боевой операции.

...Рука с пером на мгновение зависла над бумагой, на лице Виктора Поликар-

повича заиграла довольная улыбка. Разведка – это не просто глаза и уши. Это еще и сметливые, хитрые мозги, безжалостность и беспощадность, почekiистски холодный разум.

Вспомнилось, как они восьмером, выполняя приказ провести разведку боем, незаметно просочились на высоту 229,7. у деревни Верховье Оршанского района. Дело было в начале ноября 1943-го. Стылый ветер сбивал с ног, мелкая снежная крупа сыпалась с хмурых небес. Разведчики свалились как снег на голову: дерзко ворвались в траншеи, уничтожили две пулеметные точки, почти два десятка гитлеровцев. Путь для наступления был расчищен.

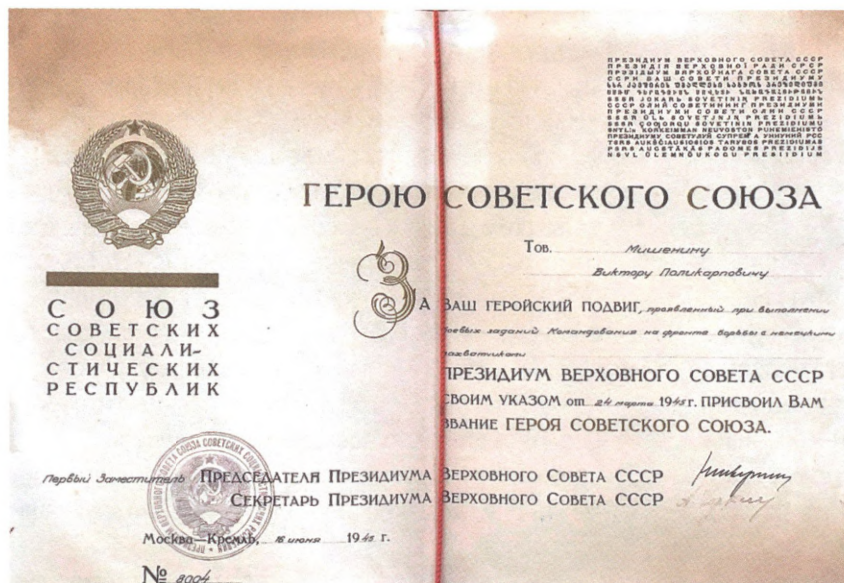
За этот героический поступок старшего сержанта Виктора Мишенина представили к медали «За отвагу».

Несмотря на отдельные успешные локальные бои и разведывательно-диверсионные вылазки, к началу декабря Оршанская наступательная операция захлебнулась. В середине апреля 1944-го командующим Западным фронтом Ставка назначила генерал-полковника И.Д. Черняховского. Вскоре фронт переименовали в 3-й Белорусский. Развернулась подготовка к стратегической наступательной операции «Багратион».

Взвод разведчиков в освобожденном Бресте.

Старшина Мишенин – первый справа во втором ряду. 28 июля 1944 года

Медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина Герою Советского Союза Виктору Мишенину вручил первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николай Шверник. Кремль, 16 июня 1945 года

Ротация командования произошла и на более низком уровне. Командиром 160-й стрелковой дивизии, где служил старший сержант Мишенин, назначили генерал-майора Николая Тимофеева. Это был необыкновенный, даже уникальный человек – пертурбуржец старой закалки, прошедший три войны. В Первую мировую пережил немецкую газовую атаку. В гражданскую сражался с Юденичем, командовал пешей разведкой. Много раз был контужен и ранен. За своих солдат стоял горой, берег. За строптивость он был не раз разжалован, потом возвращали обратно. Отдали под военно-полевой суд, а через месяц представили к очередной боевой награде.

«Его буквально приходилось выковыривать из окопов штыком».

Мишенин глубоко уважал властного комдива, и тот платил ему той же монетой. Старшина и боевой генерал часто по-дружески беседовали, обсуждая, как лучше разведчикам выполнить то или иное задание.

В конце апреля 160-ю стрелковую дивизию перебросили в Западное Полесье – в сплошное топкое болото, которое только-только стало подсыхать по-

сле весенних разливов. Враг становился все упорнее и злее. «Его буквально приходилось выковыривать из окопов штыком», – отмечает генерал Тимофеев в журнале боевых действий. В этих условиях на разведчиков буквально молились, от них зависело очень многое.

В музее в Бресте хранится пожелтевший экземпляр обласной «Зари» от 27 апреля 1965 года. Газетчики опубликовали часть воспоминаний бывшего фронтового разведчика Виктора Мишенина. «На протяжении всего времени нахождения меня в боевых действиях в рядах 160 с. див. и особо в 1295 с.п. бесчисленное количество раз мне с небольшой группой разведчиков приходилось выполнять боевые задания по установлению сил противника и его огневых средств, проводить разведку боем с обязательным захватом контрольных пленных», – писал он по-военному четко. С гордостью отмечал, что его разведгруппа «почти не имела неудач в своей работе и почти всегда приводила 2–3-х и более пленных языков. Причем наша группа разведчиков получала задание даже какого чина и особо из каких родов войск надо достать пленного-языка, и мы с честью выполняли эти задания».

Орден Красного Знамени, затем орден Отечественной войны II степени – свидетельства бесстрашия и мужества, солдатской смекалки Мишенина.

Десятого июля, когда всю гремела операция «Багратион» и уже освободили Минск, захваченные разведчиками языки сообщили ценную информацию: войска вермахта начали отход за Днепровско-Бугский канал. Это стало сигналом для выдвижения 160-й стрелковой дивизии в направлении Бреста. Чтобы иметь четское представление о силах и возможностях врага, генерал Тимофеев направляет в оккупированный Брест разведывательную группу. «В июле 1944 года части 160-й стрелковой дивизии встретили бешеное сопротивление гитлеровцев, укрепившихся на подступах к Бресту, – читаем в воспоминаниях Виктора Мишенина. – Подразделению, которое я возглавлял, была поставлена очень сложная задача – проникнуть в тыл врага, установить силы противника и разгадать его замыслы. Надо было засечь места скопления войск, установить наличие огневых средств в крепости, вести зашифрованную передачу по радиации всех полученных данных, а также корректировать огонь нашего стрелкового полка, которому предстояло вести наступательные бои на Брест».

«Укрылись уже буквально днем в развалинах при входе в Брестскую крепость».

В группу вошли самые отважные и надежные бойцы – Владимир Аманов, Алексей Макаров, Петр Забаро, Иван Исаев, Петр Петров, Константин Железняков, Иван Конкин, Александр Червяков. Все шли в оккупированный Брест добровольно – по-другому в диверсионно-разведывательные группы не брали. Был еще связист, но имя его Мишенин никак не мог вспомнить. «Мне навсегда остались в памяти бесстрашные, мужественные, закаленные в боях, понимающие меня с полуслова и, мне кажется, искренне уважающие меня разведчики моей

Встреча в Бресте с боевыми друзьями. 22 февраля 1968 года

группы и моего подразделения», – чувствуется, с волнением выводил он на обыкновенном листке бумаги эти слова.

Накануне выхода разведчикам пришлось изрядно поползти по мокрой траве, продвигаясь на север, выясняя расположение вражеских огневых точек. У села Млыново их 1295-й полк был встречен мощным артиллерийско-минометным огнем. За девять дней до освобождения Бреста часть все еще находилась на Волыни. Но затем события развивались с нарастающей скоростью. Двадцатого июля передовые части дивизии захватили перекресток дорог Кобрин – Малорита и Брест – Мокраны в сорока километрах от областного центра, а на следующий день в ходе упорных боев перерезали железную дорогу Брест – Люблин у деревни Страдечь и устремились к Западному Бугу. «Искушение перейти границу оказалось настолько велико, что 1293-й и 1297-й стрелковые полки, не дожидаясь приказа, по собственной инициативе ринулись форсировать реку», – зафиксировал генерал Тимофеев в журнале боевых действий. Войска переправлялись среди бела дня на глазах у ошеломленных немцев. Лишь к ночи противник пришел в себя и пошел в контратаку.

Тем временем 1295-й полк вел тяжелые бои вдоль шоссе Брест – Ковель к югу от областного

центра. Жестокое сражение разгорелось в ночь с 24 на 25 июля возле Прилук.

Мишенин с ребятами уже был в Бресте. Командование пока располагало теми данными, которые разведчики собрали по дороге. Пробираясь к городским окраинам, они передавали по радиации координаты скоплений вражеских войск, огневых точек противника и заминированных участков шоссе. «За одну ночь мы проникли через сильно укрепленную передовую врага и укрылись уже буквально днем в развалинах при входе в Брестскую крепость», – пишет в своих воспоминаниях Виктор Мишенин.

Добравшись до цитадели, разведчики сразу поняли и передали по радиации, что живой силы противника здесь, можно сказать, почти нет.

– В период оккупации Брестскую крепость частично разобрали на кирпичи для нужд Германии, – рассказывает заместитель директора по научной работе мемориального комплекса «Брестская крепость» Елена Митюкова. – В военном плане противник ей особого внимания не уделял, в уцелевших зданиях располагались склады.

Весь световой день разведчики вели наблюдение за крепостью, изучая из тыла врага огневые позиции, передвижение противника. Все данные через каждый час передавали в штаб полка. С наступлением темноты группе из семи человек удалось проникнуть в центр города. Разведчики замаскировались в районе вокзала и четыре дня фиксировали

Научный сотрудник Брестского областного краеведческого музея Олег Анисимов

передвижение немецких воинских эшелонов и все, что происходило в окрестностях. Трое бойцов, в том числе радист, оставались у крепости, поддерживая с ними постоянную связь.

Судя по записи генерала Тимофеева в дивизионном журнале боевых действий, 27 июля «под натиском 160-й дивизии противник вынужден был начать общий отход». В результате 1295-й стрелковый полк быстро продвинулся к предместью Бернады, а 1293-й и 1297-й полки заняли форты на западном берегу Западного Буга. «На этом рубеже противник вновь сделал попытку задержать продвижение дивизии, оказывая упорное огневое противодействие ее продвижения и переходя неоднократно в контратаки, – читаем дальше генеральские записи. – В этих исключительных по своему упорству боях была решена судьба Бреста».

В ночь на 28 июля 1295-й стрелковый полк захватил предместье Волынка, подошел к реке Мухавец и по единственной уцелевшей переправе ворвался на юго-западную окраину Бреста. Завязался короткий бой с арьергардными частями противника. К 7:40 утра полк вышел в район станции Брест-Центральный, а час спустя занял предместье Граевка северо-западнее вокзала.

Брестская крепость хранит память о героической обороне цитадели в 1941 году, об освобождении Бреста в 1944-м

Заместитель директора мемориального комплекса «Брестская крепость» Елена Митюкова у стенда, посвященного освободителям Бреста

Виктор Мишенин (крайний слева) со своей разведгруппой

Разведчики Мишенина к тому времени отошли в тыл врага и укрылись в Брестской крепости. Они корректировали огонь наших батарей, сообщали оперативные данные для наступающих войск. Глубокой ночью, когда противник собрался контратаковать, горстка смельчаков начала разведку боем со стороны крепости. Разведчики уничтожили до взвода пехоты, захватили трех языков и смогли удержать крепость до подхода наших сил. В этом бою старшина Мишенин добавил на свой личный счет 13 убитых фашистов. «Наступление нашего полка 1295 продолжалось всю ночь, – читаем в старом номере областной газеты. – И уже на рассвете, точно не помню какого числа, наша часть с боями прошла через всю Брестскую крепость, выбила фашистов с вокзала г. Бреста. Наша небольшая группа разведчиков буквально за спинами огневых точек врага вела автоматный и особо гранатометный огонь. Фашисты в панике бросали оружие, сдавались в плен или погибали, сраженные нашими автоматными очередями. Благодаря хорошо задуманной и проведенной боевой разведывательной операции враг, понеся большой урон в живой силе и технике, был наголову разбит в г. Бресте и далеко отброшен на Запад».

Город очистили от врага за несколько часов.

– Не сохранилось данных, что немцы держали оборону на такой-то улице, в таком-то доме и

нашим удалось ее сломить, – рассказывает Елена Митюкова. – Основные бои шли на подступах к городу.

За освобождение города над Бугом 160-й стрелковой дивизии было присвоено наименование Брестской. Старшина Виктор Мишенин представлен к званию Героя Советского Союза и назначен командиром Отдельной роты разведки № 186. Увы, тяжелое ранение в ноябре 1944 года в Варшаве прервало его славный боевой путь. Долгожданный День Победы он встретил не в войсках, не с боевыми друзьями, а на госпитальной койке.

...В свете керосиновой лампы, который неумолимо мерк на фоне наступающего дня, Виктор Поликарпович отобрал три, как ему казалось, самых важных фото, чтобы отправить их в Брест. «Первый снимок – фотография военных лет, т. е. каким я был в г. Бресте в 1944 г., – написал он на отдельном листе. – Второй снимок сделан в 1945 году. Я был прямо с госпиталя направлен за получением награды Героя Советского Союза в Кремль. Награду вручали тов. Шверник и тов. Горкин. М.И. Калинин был болен, но присутствовал на церемонии вручения наград. Был сделан общий снимок в Кремле,

однако никто фотографий не смог получить. Третий снимок – это я сегодня, 1963–1965 г.г.

Ветеран тяжело вздохнул: «Моя дальнейшая жизнь после госпитального моего излечения сложилась плохо. Из-за плохого здоровья я не смог окончить институт, который прервала война. Довоенную специальность конструктора я не смог освоить: отстал, время идет вперед».

В справочной карточке еще оставались вопросы, и он решительно подтянул ее к себе. «В настоящий момент я работаю бригадиром лесного склада угольной шахты», – почему-то написал он, хотя это неправда. В приказе № 97 по Донецкому ордену Ленина металлургическому заводу от 21 февраля 1966 года, копию которого редакции любезно предоставил Донецкий республиканский краеведческий музей, среди прочих объявляется благодарность Мишенину В.П. – инженеру-инструктору цеха ремонта металлургических печей.

«В этих исключительных по своему упорству боях была решена судьба Бреста».

В музее в Донецке хранится масса документов, которые свидетельствуют: Виктора Поликарповича уважали и любили, хоть сам он иногда говорил, что, мол, у нас считают: раз человек жив, так что им интересоваться? Вот письмо из Бюро ветеранов народного ополчения 160-й стрелковой дивизии с просьбой написать воспоминания для готовящейся книги, поздравительные открытки Донецкого обкома партии и областного Совета депутатов трудящихся, Брестского обкома партии и облисполкома, Московского института инженеров железнодорожного транспорта... Вот приглашение выступить на комсомольском митинге – и конечно же, он его принял, потому что в юности был убежденным и очень активным комсомольцем.

– У меня нет сведений, что он у нас бывал, – утверждает старший научный сотрудник Брестского областного краеведческого музея Олег Анисимов. – Все, что имеется в музее, – а это три подлинные фотографии, две рукописи и фронтовая газета

Виктор
Поликарпович
Мишенин. 1963 год

«Сталинец» от 17 августа 1944 года, – доставлено по почте.

Тем не менее в 1968 году бывший разведчик приезжал в Брест и встречался с боевыми друзьями.

Герой Советского Союза Виктор Поликарпович Мишенин скончался в Донецке 13 декабря 1990 года. Ушел как разведчик, словно растворившись в воздухе: ни адресов, ни паролей, ни явок. «К сожалению, музей не располагает контактами его родных и людей, знавших Виктора Поликарповича», – разочаровали нас в Донецке. Нет сведений и о том, как складывалась его жизнь после 1960-х годов.

Довольно и того, что сделал он в 1940-е. Проложил путь для наших солдат, сделал все, чтобы Брест не пострадал от своих же снарядов и не стал ареной кровавой битвы. И за это вечная ему память и вечная благодарность.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото Галины МОНИЧ, Брестского областного, Донецкого республиканского краеведческих музеев и из открытых источников

■ Проект создан за счет средств целевого сбора на производство национального контента